

**Годы учения его императорского высочества
наследника цесаревича Александра
Николаевича**

Том 1

УДК 93
ББК 63.3
Г59

Г59 Годы учения его императорского высочества наследника цесаревича Александра Николаевича: Том 1 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 532 с.

ISBN 978-5-458-09955-4

Годы учения его императорского высочества наследника цесаревича Александра Николаевича, ныне благополучно царствующего государя императора (1826-1838). Санкт-Петербург : тип. 2 Отд-ния Собств. е. и., 1880.

ISBN 978-5-458-09955-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЕРВАГО ТОМА.

	<i>Стр.</i>
I. ПРЕДИСЛОВІЕ	I.
II. Планъ ученія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича	1.
III. Сокращенный планъ ученія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича, сообщенный В. А. Жуковскимъ, во французскомъ его письмѣ къ Ф. А. Жиллю, изъ Дрездена. 1826 г.	21.
IV. Проектъ плана ученія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича, составленный В. А. Жуковскимъ, для представленія Государю Императору Николаю I. 1827 г.	33
V. Собственноручное черновое письмо В. А. Жуковскаго Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, объ экзаменѣ, воспитаніи и ученіи Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича. 1828 г.	39.
VI. Порядокъ ученія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича: а) на 1832 годъ	45.
б) на 1836 годъ	50.
VII. Обзорѣніе окончательнаго курса наукъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича. 1832 годъ	51.
VIII. Мысли законоучителя, протоіерея Герасима Петровича Павскаго о религіозномъ ученіи и воспитаніи Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, изложенныя въ 1826 году	61.
IX. О значеніи праздника Рождества Христова и праздника Воскресенія Христова. Собственноручныя письма законоучителя, протоіерея Г. П. Павскаго, Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу. 1826 и 1827 годовъ	69.

	<i>Стр.</i>
X. Изъ бесѣдъ законоучителя, протоіерея Г. П. Павскаго. Отрывки. . .	73.
XI. Бесѣда законоучителя съ Его Императорскимъ Высочествомъ, Государемъ Великимъ Княземъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, въ день Его рожденія, при вступленіи въ совершенныя лѣта	95.
XII. Свѣдѣнія о преподаваніи Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу протоіереемъ В. Б. Бажановымъ курса по Закону Божію	103.
XIII. Изъ курса, читаннаго Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу, протоіереемъ В. Б. Бажановымъ, 5-я и 6-я главы: Обязанностяхъ христіанина въ состояніи гражданскомъ и церковномъ, и объ обязанностяхъ Государя	104.
XIV. Введеніе въ исторію Государства Россійскаго. Обзоръніе Россійской Имперіи	117.
XV. Хронологическія таблицы исторіи Государства Россійскаго. Древняя исторія. Времена удѣловъ. Татарское иго	145.
XVI. Письмо В. А. Жуковскаго къ Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу, 1828 года, съ поднесеніемъ картины, изображающей Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, въ отроческомъ возрастѣ	167.
XVII. Черты исторіи Государства Россійскаго. Древняя исторія. В. А. Жуковскаго	169.
XVIII. Хронологическій списокъ русскихъ сочинителей и библіографическія замѣчанія о ихъ произведеніяхъ. П. А. Плетнева.	197.
XIX. Введеніе въ исторію французской революціи. Э. И. Липмана. 1832 г.	269.
XX. Основанія артиллерійскаго искусства. Начало курса, читаннаго Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Наслѣднику Цесаревичу Е. Х. Весселемъ	287.
XXI. Программа (таблица) части химіи, составленная В. А. Жуковскимъ	319.
XXII. О законахъ. Бесѣды съ Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Великимъ Княземъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ М. М. Сперанскаго, съ 12 Октября 1835 по 10 Апрѣля 1837 года	323.
XXIII. Классное сочиненіе Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича	490.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Снимокъ съ автографа Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича. Классное сочиненіе на французскомъ языкѣ на тему «Христофоръ Колумбъ», съ отмѣткою преподавателя Ф. А. Жилля. 1832 годъ.
- 2 и 3. Два рисунка, исполненные Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Великимъ Княземъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ въ 1833 году. Воспроизведены, съ литографированныхъ снимковъ Раффе, изъ «Album Cosmopolite» Веттемара.

При вступленіи на престолъ Императора Николая I Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ находился уже въ томъ возрастѣ, когда должно было начинать ученіе.

Выбранный въ наставники Наслѣднику, Василій Андреевичъ Жуковскій, въ письмѣ къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ изъ Дрездена, отъ $\frac{2}{14}$ Октября 1826 г., такъ пересказываетъ обстоятельства, приведшія его къ назначенію въ наставники Наслѣднику.

«Вамъ извѣстно, Государыня, что я никогда не думалъ искать того мѣста, которое я занимаю нынѣ при Великомъ Князѣ. Вашему Величеству угодно было сперва возложить на меня обязанность передать нѣкоторыя первоначальныя познанія Вашему Сыну, во время Вашего послѣдняго отсутствія изъ Россіи. Я слѣдовалъ извѣстной опредѣленной системѣ, которую съ тѣхъ поръ усовершенствовалъ; мои старанія увѣнчались успѣхомъ, и я самъ убѣдился, что обладаю нѣкоторою способностью преподавать такимъ образомъ, чтобы привязывать Воспитанника къ труду, развивать Его умъ и внушать Ему охоту къ занятіямъ».

Вѣроятно, эти качества наставника, хорошо извѣстныя Августѣйшимъ Родителямъ высокаго Воспитанника, и повліяли наиболѣе существенно при выборѣ Жуковскаго.

Императоръ Николай Павловичъ узналъ близко Жуковскаго уже съ осени 1817 года, когда Императрицею Марією Ѳеодоровною, поэтъ, состоявшій при Ея Величе-

ствѣ тѣцомъ, рекомендованъ былъ для обученія Великой Княгини Александры Ѳеодоровны русскому языку. Уроки Жуковскаго Великой Княгинѣ по русскому языку продолжались съ 1817 г. по 1820 г., когда разстройство здоровья Ея Высочества потребовало проведенія за границую зимы, послѣ леченья минеральными водами. Въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Великую Княгиню въ это продолжительное путешествіе, былъ и Жуковскій.

Мы не намѣрены приводить на память всѣ обстоятельства его жизни, но для выясненія его роли наставника, постараемся привести собственныя показанія поэта о себѣ, изъ которыхъ видно, какъ созрѣвала въ немъ потребность учить—учась.

Василій Андреевичъ Жуковскій родился Тульской губерніи въ с. Мишенскомъ, 29 Января 1783 г., и лѣтъ семи отданъ былъ въ Тулѣ, въ пансіонъ Роде. Языки, которымъ учили дома, шли хорошо, но преподаваніе наукъ въ училищѣ такъ плохо, что старшій учитель, Ѳ. Г. Покровскій, исключилъ Жуковскаго «за неспособность».

Тринадцати-лѣтняго мальчика Жуковскаго хотѣли записать въ полкъ, но судьба распорядилась иначе и принудила родныхъ помѣстить его въ началѣ 1797 г. въ благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ, гдѣ будущій поэтъ и провелъ три съ половиною года.

Это время, едвали не самое важное въ жизни будущаго автора, начавшаго тогда собственно свое самообразованіе, протекло не безъ видимыхъ признаковъ его наклонностей и доли участія въ общихъ интересахъ кружка, къ которому онъ принадлежалъ.

На другой годъ по вступленіи въ пансіонъ, Жуковскій уже выбранъ былъ товарищами, какъ лучшій изъ нихъ по успѣхамъ въ наукахъ,—въ почетные директоры некласныхъ занятій литературою, при поднесеніи лавроваго вѣнка. Воспитанникамъ благороднаго пансіона, по примѣру студентовъ университета, начальство дозволило образовать литературное общество и уставъ для него товарищи поручили написать Жуковскому.

Время нахождения въ пансіонѣ было для Жуковскаго порою дружескихъ связей не только со сверстниками, но и съ людьми взрослыми, по уму и способностямъ своимъ уже выдѣлявшимися въ мнѣніи современниковъ. Успѣхи въ наукахъ сблизили будущаго поэта съ семействомъ куратора Тургенева, сыновья котораго сохранили тѣсную дружбу съ Жуковскимъ во всю жизнь. Черезъ Тургеневыхъ Жуковскій познакомился съ Карамзинымъ. Для издаваемаго имъ журнала «Вѣстникъ Европы» написана Жуковскимъ первая пьеса, заставившая въ публикѣ съ восторгомъ повторять имя новаго поэта. Это была, какъ извѣстно, элегія «Сельское кладбище»,—переводъ изъ Грея, переводъ настолько живой и полный самостоятельныхъ красотъ, что стоитъ того, чтобы смотрѣть на него почти какъ на произведеніе оригинальное.

Съ «Сельскаго кладбища» началось тѣсное сближеніе Жуковскаго съ Карамзинымъ, обратившееся въ нѣжную дружбу. Отъ соучастія въ трудахъ редакціи «Вѣстника Европы», Жуковскій перешелъ къ завѣдыванію этимъ журналомъ вполнѣ (1808) и въ теченіи двухъ лѣтъ довелъ его до блистательнаго положенія, но внезапно сложилъ съ себя редакцію и удалился въ уединеніе, на родину.

Что понудило его къ этому шагу, высказано имъ самимъ въ письмѣ къ другу, А. И. Тургеневу, 1810 г. 7 Ноября,—въ отвѣтъ на вопросъ: для чего ему нуженъ Геренъ-историкъ?

«Я хочу, писалъ Жуковскій, получить объ исторіи хорошее понятіе; не быть въ ней ученымъ, ибо я не располагаюсь писать исторію, но приобрѣсть философическій взглядъ на происшествія въ связи. Исторія изъ всѣхъ наукъ самая важнѣйшая; важнѣе философіи, ибо въ ней заключена лучшая философія, то есть практическая, слѣдовательно полезная. Для литератора и поэта исторія необходимѣе всякой другой науки: она возвышаетъ душу, расширяетъ понятіе и предохраняетъ отъ излишней мечтательности, обращая умъ на существенное. Я хочу прочесть всѣхъ классиковъ-историковъ; но для того, чтобы извлечь изъ нихъ всю возможную пользу и чтобы идея объ исторіи была не смутная, а ясная, хочу предварительно

составить себѣ общій планъ всѣхъ происшествій въ связи. Для этого и начинаю Гаттереромъ и Гереномъ. Вотъ моя метода— нѣсколько трудная и продолжительная, но для упрямой памяти моей необходимая. Прочитавъ статью въ Гаттерерѣ, имѣя передъ глазами Габлеровы таблицы, откладывая книгу и потомъ составляя нѣсколько картъ (à la Schlötzer fils) того времени, о которомъ читалъ, на картахъ въ хронологическомъ и вмѣстѣ синхронистическомъ порядкѣ, изображаю главнѣйшія происшествія: это оставляетъ въ головѣ чрезвычайно ясную идею о перемѣнахъ и ихъ послѣдствіи. Кончивъ этотъ трудъ, пишу изъ головы общее обозрѣніе происшествій прочитаннаго періода. Такъ составитя у меня цѣлый курсъ всеобщей исторіи. Подробностей знать не буду; но теперь онѣ мнѣ еще и не нужны. Я хочу имѣть одинъ планъ, съ которымъ можно было бы не заблудиться посреди безчисленныхъ подробностей. Составивъ этотъ планъ, мнѣ уже будетъ весьма легко послѣ заниматься отдѣльно чтеніемъ классиковъ, изъ которыхъ ни одинъ не написалъ обо всемъ, а избралъ для себя какую нибудь важнѣйшую часть. Эти важнѣйшія части будутъ мнѣ извѣстны подробно; а связь между ними сохранить мое предварительное чтеніе Гаттерера и Герена. Русская исторія однако будетъ другаго рода занятіемъ. Тутъ уже нечего думать о классикахъ, а надобно самому добираться до источниковъ. Но и для русской исторіи, прежде нежели погружусь въ океанъ лѣтописей, намѣренъ я составить такой же точно планъ, для котораго мнѣ нужна будетъ какая нибудь краткая, но хотя нѣсколько сносная русская исторійка. Не знаешь ли чего нибудь въ этомъ родѣ?»

Далѣе—пишетъ тутъ же Жуковскій о себѣ—«первая моя недѣятельность происходила, можетъ быть, и отъ мысли, что *я не могу* быть дѣятельнымъ. Теперь начинаю вѣрить противному, ибо нахожу удовольствіе даже въ томъ, чтобы учить наизусть примѣры изъ латинскаго синтаксиса, воображая, что современемъ буду читать *Виргилія* и *Тацита*. Теперь главныя занятія мои составляютъ: исторія всеобщая, какъ приготовленіе къ русской и къ классикамъ, и языки, пока

латинскій, а черезъ нѣсколько времени и греческій. Въ Вѣстникъ Европы буду посылать переводы, ибо это необходимо для кармана. Между тѣмъ, чтобы не раззнакомиться съ музами, буду дѣлать минутные набѣги на Парнасскую область, съ тѣмъ однако чтобы со временемъ занять въ ней выгодное мѣсто поближе къ храму славы. *Три года* будутъ посвящены труду *приготовительному*, необходимому, тяжелому, но утѣшительному высокою мыслью быть прямо тѣмъ, что должно. Авторство почитаю службою отечеству, въ которой надобно быть или отличнымъ или презрѣннымъ: промежутка нѣтъ».

Очевидно, что послѣднія фразы были сказаны съ увлеченіемъ и какъ минутныя вспышки фантазіи, порожденной крайностями, должны и нами приниматься за идеи, на которыхъ мысль Жуковскаго останавливалась не надолго. Для насъ можетъ быть важна только общность высказаннаго Жуковскимъ въ исповѣди передъ другомъ. Первое, — что онъ началъ дѣятельно трудиться надъ самообразованіемъ; второе, — что достигнуть пополненія своихъ знаній онъ полагалъ всего удобнѣе съ помощью таблицъ, для оживленія въ памяти прочитаннаго, и, третье, — что подъ эту форму онъ считалъ возможнымъ подвести всякаго рода знанія, пополняя остовъ плана подробностями, которыя можно узнать въ послѣдствіи.

Прежніе планы скоро замѣнились и новыми стремленіями, и новымъ положеніемъ Жуковскаго, создавшимся благодаря литературной извѣстности, пріобрѣтенной патріотическими стихотвореніями.

Русскій Тиртей, какъ называли Жуковскаго, принятъ въ интимный кружокъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны и удостоенъ пожизненной пенсіи отъ Императора Александра I. Императрица Мать назначила его учителемъ русскаго языка къ молодой невѣсткѣ своей. Говоря о перемѣнѣ судьбы поэта, И. И. Дмитріевъ въ одномъ письмѣ 1818 года упомянулъ что Жуковскій *кончилъ грамматическія таблицы*. Слѣдовательно, табличная форма и все, что связано съ нею въ памяти поэта, для него не потеряло силы, а, напротивъ, нашло осуществленіе.

По приѣздѣ въ Россію Невѣсты Великаго Князя Михаила Павловича, Императрица Мать назначила учителемъ русскаго языка Ея Высочества также Жуковскаго (1823 г.).

Первое слово, о порученіи Жуковскому быть наставникомъ Наслѣдника, застало поэта во время его болѣзни.

Воды Эмса принесли облегченіе поэту и возстановили его силы, но для укрѣпленія ихъ, столько же, какъ и для удобства занятій заграницею, Жуковскій съ Сентября 1826 года поселился въ Дрезденъ. Оттуда, 7/19 Февраля 1827 г., писалъ онъ, между прочимъ, племянницѣ своей Авдотѣ Петровнѣ Елагиной, — о себѣ и о томъ что его занимаетъ: «Работы у меня много, на рукахъ моихъ важное дѣло! Мнѣ не только надобно учить, но и самому учиться, такъ что не имѣю права и возможности употреблять ни минуты на что нибудь другое По плану ученія Великаго Князя, мною сдѣланному, все лежитъ на мнѣ. Всѣ его лекціи должны сходиться въ моей, которая есть для всѣхъ пунктъ соединенія; другіе учителя должны быть только дополнителями и репетиторами. Можете изъ этого заключить, сколько мнѣ нужно приготовиться, чтобы лекціи могли идти безъ всякой остановки. Съ этой стороны болѣзнь моя есть для меня благодѣяніе; она дала мнѣ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ свободныхъ и я провелъ ихъ посвятивъ свои мысли одной главной, около которой вся моя дѣятельность вертѣлась. И теперь это рѣшено на весь остатокъ жизни. У меня въ душѣ одна мысль, все остальное только въ отношеніи къ этой царствующей. Могу сказать, что настоящая, положительная моя дѣятельность считается только съ той минуты, въ которую я вошелъ въ тотъ кругъ, въ которомъ теперь заключенъ. Прежде моя жизнь была dans le vague. Теперь я знаю, къ чему ведетъ она. Поэзія мною не покинута, хотя я пересталъ писать, хотя мои занятія и могутъ со стороны показаться механическими»

Въ то время когда у Жуковскаго ясно опредѣлилось значеніе его подвига, въ смыслѣ употребленія всѣхъ силъ для выполненія его, точно обозначились и подробности дѣла.